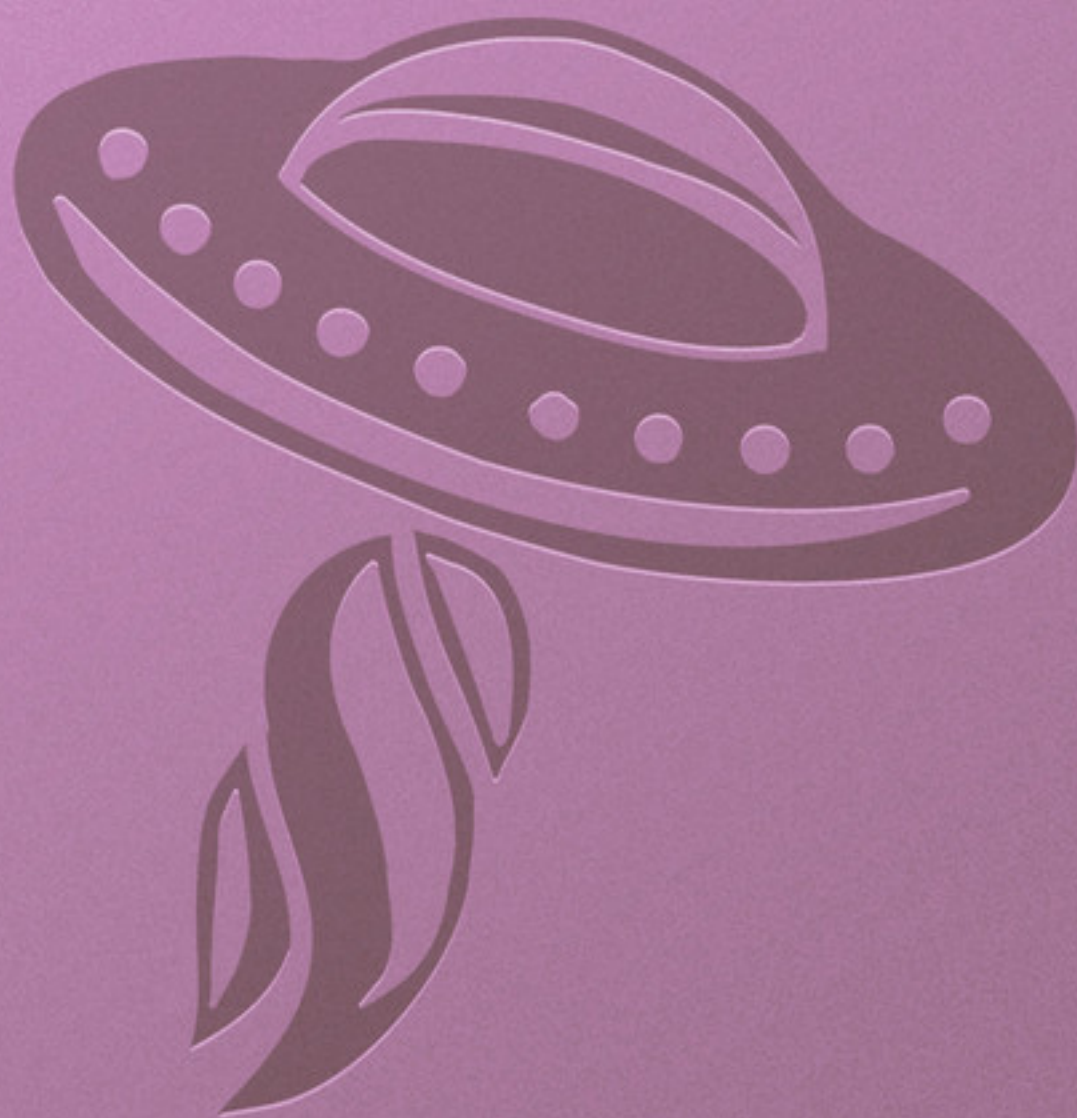

Дмитрий Колодан

Отрицательные крабы

Часть сборника
Жизнь чудовищ (сборник)

Дмитрий Колодан

Отрицательные крабы

«Автор»

2007

Колодан Д. Г.

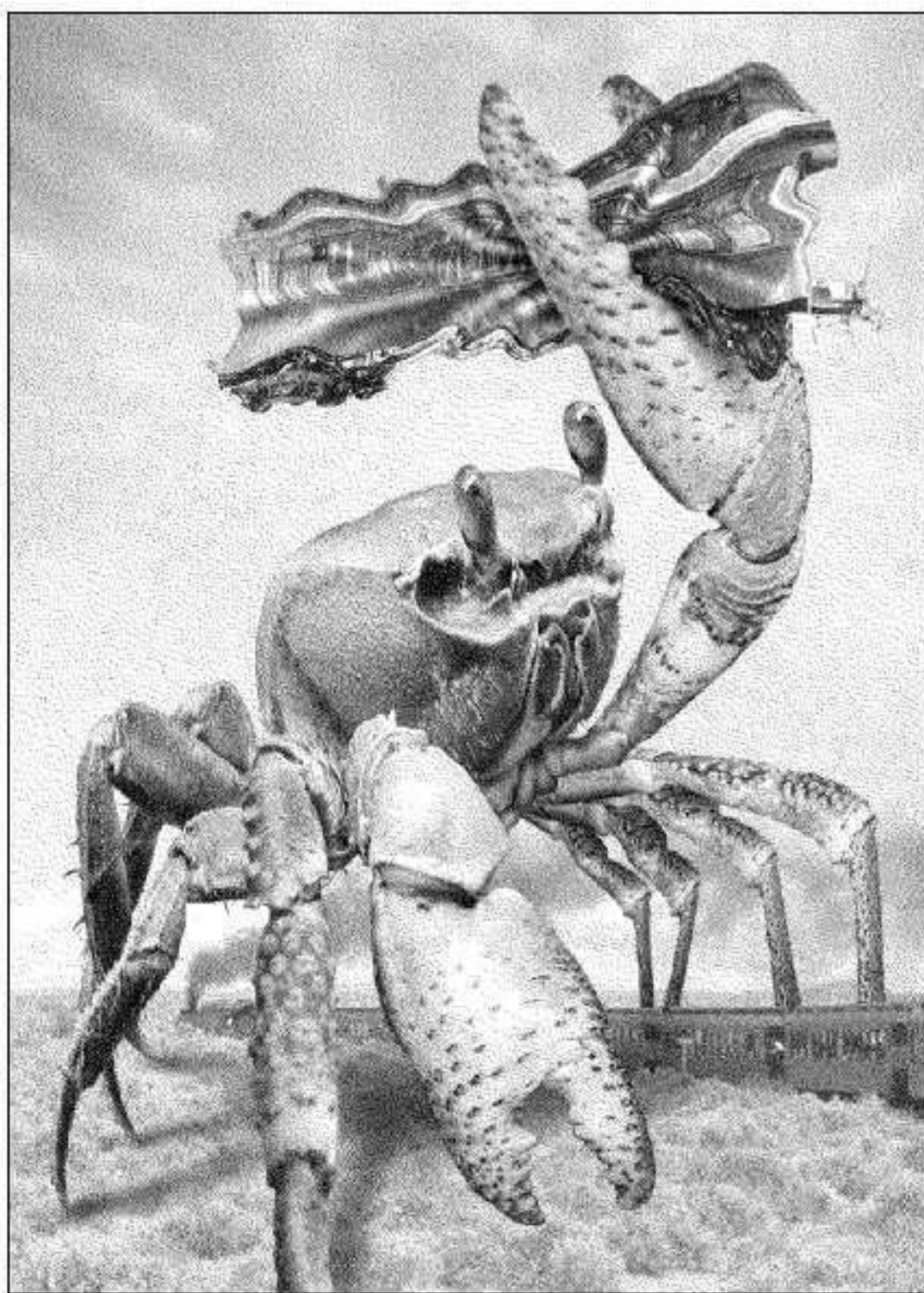
Отрицательные крабы / Д. Г. Колодан — «Автор», 2007

«Рыба была очень храброй. Или просто глупой – тут уж как посмотреть. Людвиг Планк постучал пальцами по выпуклому стеклу аквариума, тщетно пытаясь привлечь внимание. Рыба игнорировала его с вызывающей наглостью. Вот и сейчас она лишь глянула круглым глазом и с азартом Кусто углубилась в изучение керамических останков игрушечного галеона. Плавнички трепыхались часто, словно крылышки колибри. Это был пузатый тетрадон, рыба-шар, похожая на гибрид батисферы и старенького «нюпора»; на боках даже виднелись опознавательные знаки RAF – красные и синие круги. Должно быть, причастность к Королевским военно-воздушным заставляла рыбу держаться столь надменно и смело. Битые полчаса Людвиг старался нагнать на нее страху: раздувал щеки, пучил глаза, кривил рот, прижимаясь носом к холодному стеклу – и все без толку. Конечно, ужимки и гримасы забавляли дочь, но Людвиг хотел, чтобы Даника подивилась, как тетрадон надуется, точно мыльный пузырь...»

© Колодан Д. Г., 2007

© Автор, 2007

Дмитрий Колодан Отрицательные крабы

Рыба была очень храброй. Или просто глупой – тут уж как посмотреть. Людвиг Планк постучал пальцами по выпуклому стеклу аквариума, тщетно пытаясь привлечь внимание. Рыба игнорировала его с вызывающей наглостью. Вот и сейчас она лишь глянула круглым глазом и с

азартом Кусто углубилась в изучение керамических останков игрушечного галеона. Плавнички трепыхались часто, словно крылышки колибри. Это был пузатый тетрадонт, рыба-шар, похожая на гибрид батисферы и старенького «нюпора»; на боках даже виднелись опознавательные знаки RAF – красные и синие круги. Должно быть, причастность к Королевским военно-воздушным заставляла рыбу держаться столь надменно и смело. Битые полчаса Людвиг старался нагнать на нее страху: раздувал щеки, пучил глаза, кривил рот, прижимаясь носом к холодному стеклу – и все без толку. Конечно, ужимки и гримасы забавляли дочь, но Людвиг хотел, чтобы Даника подивилась, как тетрадонт надуется, точно мыльный пузырь.

Круглый аквариум стоял посреди обеденного стола, в окружении солонок, салфетниц, подставок для яиц и прочих кухонных мелочей. Соседство должно было насторожить рыбу – во всяком случае, Людвиг на это рассчитывал. Он бы почувствовал себя крайне неуютно, если бы какой-то великан поставил рядом перечницу. Однако нервы у тетрадонта были железные. Рыба не вздрогнула, даже когда Даника схватила ложку и громко заколотила по столу.

Дочь стояла на стуле, одной рукой опираясь о спинку, и подпрыгивала. Она уже начала скучать и пыталась развлечь себя, как умела: двенадцать месяцев не тот возраст, когда водная фауна увлекает надолго.

– Да, подвел ты нас, приятель, – вздохнул Людвиг и снова постучал по стеклу, уже не рассчитывая растормошить тетрадонта.

Рыба обошла его в четыре сотни. На первый взгляд, сделка казалась удачной, а в итоге выяснилось, что в зоомагазине его облапошили. Подло воспользовались неведением и подсунули бракованный товар.

Даника, похоже, это поняла: рыба с самого начала не вызвала у нее энтузиазма, и дочь оставалась на стуле только из вежливости. Вся в мать – Венди с тем же смирением принимала выходки мужа. Правда, Даника не так часто закатывала глаза.

Субботнее утро заканчивалось, Венди вот-вот должна вернуться из магазина. Стоило об этом подумать, как с улицы донесся автомобильный гудок, а следом – шорох шин по гравии подъездной дорожки. Выглянув в окно, Людвиг увидел красную крышу «орикса». Венди вышла, прихватив бумажный пакет с продуктами, и направилась к дому.

– Вот и мама приехала, – сказал Людвиг, беря дочь на руки. Они вышли в прихожую, когда открылась дверь. Придерживая ее ногой, Венди проскользнула в дом, улыбнулась.

– Привет, – непослушный локон упал на лоб. Венди строго посмотрела на него. Телекинез не сработал. Она подула, но локон упал снова. Даника засмеялась, неумело захлопав в ладоши. Венди показала ей язык, вызвав новую бурю восторга. Куда уж тетрадону! Людвиг сам не смог сдержать улыбки.

Прижимая к груди пакет, Венди прошла на кухню. Людвиг с опаской покосился на бледно-зеленые стебли сельдерея и клубящиеся рядом хлопья цветной капусты – набор не предвещал ничего хорошего. К овощам Людвиг относился с предубеждением. Давно установленный факт – пятьдесят процентов людей ненавидят цветную капусту. При подобном раскладе Людвиг не мог взять в толк, зачем вообще потребовалось ее изобретать? Разве что из-за таинственных витаминов и «неоспоримой полезности» в детском возрасте – хотя Даника воротила нос от разваренной до состояния пюре растительной массы. Человечество, впрочем, падко на бессмысленные изобретения.

– Там еще в машине, – сказала Венди, ставя продукты на стол и забирая дочь. – И чем вы тут занимались?

– Рыбу пугали, – ответил Людвиг.

– Успешно? – жена бросила рассеянный взгляд на аквариум. Людвиг махнул рукой.

– Да ну ее. Какая-то неправильная рыба, бракованная. Надо вернуть ее. Есть ведь закон о замене неисправных товаров...

– А он распространяется на аквариумных рыб? – удивилась Венди.

– На то и закон, – уверенно сказал Людвиг.

Венди с сомнением пожала плечами, но спорить не стала.

Когда Людвиг вернулся с остальными покупками, Венди перекладывала продукты в холодильник. Даника из детского стульчика увлеченно наблюдала за матерью, постигая азы домашнего хозяйства.

– Тебе, кстати, пришла бандероль, – сказала Венди. – Я заскочила на почту за журналами, а она лежит, тебя дожидается. Я забрала, чтобы она не скучала. Посмотри в пакете с апельсинами, а заодно передай их сюда.

– Бандероль? – переспросил Людвиг, подавая жене фрукты.

Он достал пачку глянцевого журналов по цветоводству, благоустройству сада, икебана и акварельной живописи: Венди серьезно подходила к своим увлечениям. Среди прессы Людвиг откопал небольшую коробку.

Посылка была обернута плотной коричневой бумагой, испещренной почтовыми штемпелями и рыжими марками. Людвиг содрал обертку, заранее зная, что под ней скрывается.

Благородный красный цвет вспыхнул ярче огонька рыбы-удильщика. Это был коллекционный вагон игрушечной железной дороги, точная копия того, на котором легендарный цирк Барсума колесил по миру. «Долоко» выпустила тираж в двести штук, из которых полторы сотни даже не поступили в продажу, разошлись среди влиятельных коллекционеров. Писали про одного султана, который заполучил аж четырнадцать вагонов – Людвиг никогда не понимал такой жадности. То, что удалось достать хотя бы один, было несомненной удачей.

Конечно, вагон влетел в порядочную сумму: теперь на год можно забыть об обновлении подвижного состава. Но оно того стоило – вагон был само совершенство. Детализация завораживала: пружины, доски обшивки, стекла и ручки на окнах, даже миниатюрные потеки краски! Поднеся вагон к глазам, Людвиг разглядел крошечные гайки на колесах. Завинчивали их под микроскопом. Про гайки Людвиг прочитал в рекламном проспекте, сам бы он до такого не додумался. На боках вагона пыльным желтым шрифтом пылала надпись: «Невероятный цирк Барсума». Все нарисовано вручную – произведение искусства не терпело декалькирования.

– Красивый, – сказала Венди, заглядывая из-за спины.

– В этом вагоне возили настоящую русалку с Фиджи, – согласился Людвиг. – А еще белого слона...

– Альбиноса? Людвиг усмехнулся.

– Не совсем. Барсум покрасил того, который оказался под рукой.

– Интересный подход к поговоркам, – признала Венди. – А это не пассажирский вагон? Вот окошечки...

– Ну... слону выделили отдельное купе, – сказал Людвиг.

– Надо же, – Венди покачала головой.

Даника, заметив игрушку, вскрикнула, попыталась встать, протягивая руку. К досаде девочки, страховочные ремни удержали ее на месте. Дочь завертелась в тщетной попытке выбраться из плена.

– Тебе еще рано, – строго сказал Людвиг, пряча вагон за спину. В глазах дочери мелькнуло недоумение. Людвиг поспешил пояснить:

– Там много мелких деталей...

– Это папина игрушка, – сказала Венди. – Тебе не понравится.

В грозном взгляде Даники явственно читалось: «Позвольте мне самой судить!». Выгнувшись, словно Прометей на скале, дочь протестующее взвизгнула.

– Не похоже, что она тебе поверила, – сказал Людвиг.

– Естественно, – развела руками Венди. – Сама не убедится – не успокоится. Сходи лучше проверь, как он работает. А мы займемся обедом...

Венди была права. Как-то Людвиг прочел в «National Geographic» большую статью о белых носорогах. Животные эти обладали фантастическим упорством и шли к намеченной цели, не считаясь с препятствиями, не важно – лев то, баобаб или незадачливый охотник. А годовалый ребенок даст фору любому носорогу. Даника уверенно подбиралась к границе, за которой начинались крики и слезы. Людвиг попятился к двери.

– Кстати, а что на обед? – спросил Людвиг, вспомнив о цветной капусте. – Если тушеные овощи, то я не голоден. Я перекусил, пока ты ездила...

Венди улыбнулась.

– Рыба под грибным соусом. Иди, я позову.

Лаборатория представляла собой деревянный сарай, прилепившийся к задней стене дома. От старости здание покосилось, а широкие доски приобрели цвет сухого асфальта, который, по слухам, притягивает пауков и призраков. Ни тех, ни других пока не наблюдалось, но Людвиг допускал, что рано или поздно они появятся. Быть может, когда прохудится жестяная крыша и тучи с океана начнут заливать сарай осенними дождями. Давно подмечено – привидениям нужна сырость; паукам, наверное, тоже. Но пока можно было спокойно заниматься исследованиями, не отвлекаясь на таинственные шорохи, звон цепей и замогильные крики.

Венди называла лабораторию «детской», хотя Людвиг предпочитал более весомые слова. Впрочем, жена Резерфорда точно так же называла кабинет великого ученого.

В сарае Людвиг создал настоящую железнодорожную страну. Она раскинулась на трех соединенных столах, покрытых газоном из крашеного мха. Посередине возвышалась гора из папье-маше с тремя туннелями, вокруг извивались две речки из эпоксидной смолы. Общее число железнодорожных мостов – девять. Рельсы оплетали столы хитроумной паутиной, столь сложной и плотной, что кое-где между колеями невозможно было поставить и игрушечного деревца. Но три станции обслуживались всего двумя составами. У Людвиг были «Юнион-Пацифик», модель 1903 года, и новенький СТ-2000. Разница почти в сто лет ничуть не смущала: поезда все равно ездили с одинаковой скоростью, а для опытов это было самое главное.

Жену поезда особо не увлекали. Ей больше нравилось склеивать и раскрашивать домики да расставлять пластиковые деревца и аккуратненькие клумбы. По сути, она всю жизнь этим и занималась – склеивала дом, разве что в более крупном масштабе. Про отрицательных крабов Людвиг ей не рассказывал, не хотел пугать. Сложно готовить ужин, зная, что в любую секунду мир может разлететься в калейдоскопическом блеске осколков.

Первого и пока единственного краба Людвиг поймал случайно. Ничего удивительного: все великие открытия совершаются неожиданно, это заложено в их природе. А разговоры о долгой предварительной работе – лишь форма научного кокетства. Ньютон не ждал под деревом, когда на него упадет яблоко.

В то утро Людвиг занимался решением одной забавной математической задачи по теории графов. Проще говоря, пытался провести поезд по всем мостам, не проехав по одному и тому же дважды. То ли он напутал в расчетах, то ли задача и в самом деле не имела решения, но сколько бы Людвиг ни щелкал тумблерами, переключая стрелки, всякий раз приходилось возвращаться к уже пройденному.

Все случилось, когда поезда промчались навстречу друг другу, жужжа, как сердитые шмели. Людвиг на секунду отвлекся, рассчитывая маршрут. Раздался сухой треск, в воздухе пахло электричеством. «Юнион-Пацифик» подскочил на рельсах, завалился на бок, да так и остался лежать, вращая колесами. Людвиг уставился на рухнувший поезд, ожидая, что из электрического моторчика повалит густой дым. За всю историю железнодорожной страны это была первая катастрофа. Второй поезд покатило дальше, а на рельсах остался лежать крошечный краб из голубоватого стекла.

Это была ничем не примечательная поделка, вроде тех, что втридорога продают туристам на побережье. Не меньше десятка подобных стеклянных зверушек – жирафов, рыбок и собачек – стояло у Венди на книжной полке еще в относительной недосыгаемости для Даники; но среди них не водилось членистоногих. Появление краба было необъяснимо. Людвиг, не задумываясь, поставил бы сотню: секунду назад краба здесь не было.

Он взял игрушку, неприятно теплую на ощупь. Выпученные глаза блеснули, словно подмигнув, и Людвиг выронил краба. Закатившись под стол, тот замер, переливаясь в свете электрической лампочки.

Людвигу потребовался почти месяц, чтобы найти объяснение таинственной материализации. Он уже склонялся к тому, что стал свидетелем спонтанного холодного синтеза, однако такая гипотеза не объясняла, почему конечный продукт появился именно в виде стеклянного краба. Остановиться на очередной шутке природы – не самой удачной, гораздо хуже муравьедов, – означало признать себя никудышным исследователем. Людвиг на это пойти не мог.

Подсказка пришла неожиданно, с первым летним номером «Популярной науки». В заглавной статье журнала разбирались некоторые нестыковки в теории относительности. Автором значился кембриджский профессор, нобелевский лауреат, к несчастью, лишенный способности внятно излагать свои мысли. Уже на четвертом абзаце Людвиг заблудился в хитросплетениях терминов и формул, а дочитав, не смог вспомнить, с чего все начиналось. Он вернулся на пару страниц назад и наугад просмотрел один абзац:

...Поле Дираком было предложено существование ненаблюдаемого моря электронов, обладающих отрицательной энергией. Если выудить из этого моря один электрон, то в результате образуется дырка, принимаемая за положительно заряженный электрон – позитрон. Считается, что эта идея пришла к Дираку во время решения знаменитой задачи с отрицательными рыбами...

Людвиг захлопнул журнал. Невидимое море и отрицательные рыбы – образ мгновенно пленил его. Было в нем что-то величественное, как на знаменитой фотографии Дэвида Дубиле, где вокруг одинокого аквалангиста кружат тысячи морских щук. Может быть, сейчас рядом с ним тоже плавают рыбы и именно из ненаблюдаемого моря пожаловал краб?

Но в работах Дирака не обнаружилось ни слова о крабах: только отрицательные рыбы и мучительные попытки примирить теорию относительности с квантовой механикой. В итоге, конечно, ученому дали Нобелевскую премию, на пару со Шрёдингером. То, что одному она досталась за несуществующую кошку, а второму – за отрицательных рыб, свидетельствовало только о чувстве юмора Нобелевского комитета.

Пришлось признать: Дирак не довел работу до конца. Глупо погнался за первой ассоциацией. В дальнейшем его ошибку повторил Эшер на знаменитой мозаике из переплетающихся черных и белых рыб. Конечно, картине нельзя отказать в наглядности: художник старательно изобразил пересечение материи и антиматерии. Однако столь плотное наполнение пространства противоречило наблюдаемой гравитации. Даже школьнику ясно, что такое количество невидимой трески абсурдно. И ученый, и художник забыли, что водная фауна не исчерпывается рыбами.

Мысль о прочих отрицательных созданиях, населяющих невидимое море, показалась Людвигу логичной. Она замечательно вписывалась в симметричную картину мироустройства. То, что вместо живого краба ему досталась стеклянная поделка, Людвиг не смутило. В статье, посвященной античастицам, он прочитал, что они являются стабильными величинами и в пустом пространстве могут существовать бесконечно долго. Чего-чего, а стабильности у игрушки было не отнять. Но если следовать теории, ее столкновение с обычным крабом должно приводить к аннигиляции с колоссальным выходом энергии и образованием пары примитивных созданий. Дафний, быть может. Проще говоря, крабы взорвутся, как Алиса, наглотававшая зазеркального молока.

В таком ключе появление краба вселяло нешуточное беспокойство: Людвиг случайно стал обладателем самой мощной бомбы в мире. С ядерной физикой он был знаком поверхностно, но прекрасно понимал: последствия распада даже незначительного членистоногого будут катастрофическими. От города ничего не останется. Людвиг допускал и более страшные сценарии. Вселенная, хотя и выглядит прочной, на деле весьма хрупкая штука. По сравнению с ней Шалтай-Болтай просто верх устойчивости – даже если бы он скакал по стене. Да и королевская рать внимательно присматривала за этим парнем. А кто присмотрит за Вселенной? Достаточно неловкого шага, чтобы мир полетел в тартарары.

Людвиг запер краба в жестяную коробочку из-под леденцов, обмотал скотчем и спрятал среди инструментов в дальнем углу сарая. Если в дом пожалуют положительно заряженные ракообразные, им придется изрядно повозиться, чтобы добраться до своего антипода. Защита, конечно, несовершенная, но лучшей Людвиг придумать не смог.

Оставалось выяснить, как удалось поймать краба. Вышло один раз, может получится и снова. А где гарантии, что в следующий раз чудовищное оружие не попадет в руки какому-нибудь неучу?

Единственным разумным ответом были поезда. Краб появился, когда паровозики пробежали рядом. Очевидно, их взаимодействие и привело к таким неожиданным последствиям.

В глубине души Людвиг был горд. Ученые годами бьются, пытаясь поймать жалкие крупницы антиматерии на многокилометровых ускорителях; ему же удалось добиться серьезных результатов куда как с меньшими затратами. Каждой рыбке своя снасть. Ловить сельдь гарпунной пушкой – занятие бессмысленное.

Основательно все обдумав, Людвиг решил, что причина в жужжании и перестуке колес. Звуки приманили краба, как приманивает его сородичей шум прибора или удары по консервной банке: из-за особого устройства вестибулярного аппарата ракообразные чутко реагируют на ритмические колебания. Проводили даже эксперименты по воздействию на них популярной музыки; в итоге удалось заставить крабов танцевать.

Приманить краба оказалось несложно, а чтобы вытащить, хватило слабого поля, создаваемого парой электромоторчиков. Открытие Людвиг не обрадовало. Игрушечная дорога – уменьшенная копия настоящей, а значит, и там могли появиться отрицательные крабы. А учитывая масштабы, вероятность такого происшествия довольно высока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.